

Немирович-Данченко Василий Иванович

Нищий-правитель

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Нищий-правитель / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-99119-3

ISBN 978-5-519-99119-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

среди этого унынія края. Призрачно выступали сквозныя воды; на нихъ едва намѣчивались полувоздушные корабли съ острыми парусами. Подразнить-подразнить это марево возбужденный глазъ,—и та же незримая рука вдругъ сотреть его прочь, будто художникъ недоволенъ своею работою. Еще минута, — и въ этой же таинственной дали, дрожа, бѣлыми черточками нежданно, негаданно показываются безчисленные кровли страннаго города. Кровли надъ кровлями, стѣны надъ стѣнами, купола надъ ними, минареты надъ куполами и тонкія, изогнутыя пальмы надъ минаретами. И все это прозрачно, легко, нѣжно... Сказочное царство грезъ, осуществленныхъ въ раскаленномъ воздухѣ жгучими лучами.

Миражамъ не вѣрить никто. Даже верблюды не прибавляютъ шагу къ нимъ; — такъ же утомительно, переваливаясь справа налево, слѣва направо, тянутся къ обѣтованному оазису, и мы, сидя на ихъ горбахъ, не то спимъ, не то бредимъ, стараясь смежить вѣки такъ, чтобы глазъ ничего не видѣлъ передъ собой. Сухой жаръ ог-

немъ проникаетъ въ легкія. Мысль давно убита,—въ мозгу шевелятся странные образы безъ связи и безъ толку, и самый мозгъ, кажется,—вотъ-вотъ расплавится въ накалившемся подъ этимъ солнцемъ черепѣ. Вода въ мѣхахъ теплая и начинаетъ пахнуть, но все равно, она — счастье въ неописуемомъ адѣ. Мы чуть-чуть смачиваемъ ею губы и дѣлаемъ маленькіе глотки. Кажется, дай себѣ волю,—припаль бы къ ней и не оторвался. Весь бы мѣхъ опросталъ разомъ.

II.

Наканунѣ въ Тафилетѣ мы весь день провели у мѣстнаго правителя. Здѣшніе его ненавидятъ, пріѣзжіе имъ не нахваляются. По арабской пословицѣ,—„ласкай странника, у него тысяча ртовъ, чтобы кричать о тебѣ во всѣхъ странахъ міра“,—онъ готовъ разориться для путешественника. И дѣйствительно, мы и въ Танхерѣ, и въ Аль-

касаръ-Эль-Кебиръ, и Могадоръ слышали объ Аббасъ-Измаилъ. На образномъ языкѣ своемъ, мѣстные поэты прозвали его „отцомъ милости“, „непостижимымъ родникомъ живыхъ водъ“, „хлѣбомъ не имущихъ“ и т. п. великолѣпными именами. Всѣ, кто не надолго заѣзжаетъ сюда, — далеко во всѣ концы жаркаго Магреба распространяють его славу. Онъ ихъ кормитъ и поитъ, одѣляетъ пышными одеждами, деньгами, конями, особенно если они направляются въ Фецъ, гдѣ ихъ услышитъ самъ султанъ Мулей-Гассанъ. Насъ онъ принялъ, какъ особенно дорогихъ гостей. Сложивъ румяныя, чувственные губы сердечкомъ, доказывалъ, что Богъ у всѣхъ одинъ, и хорошій христіанинъ, хоть онъ и собака, а все-таки лучше дурного мусульманина. Въ его казбѣ — дворцѣ въ жару немолчно журчала вода, и въ мраморные водоемы падали кристальныя струи фонтановъ. Солнце сквозь цвѣтныя стекла нѣжно и красиво играло на арабскихъ вязяхъ стѣнъ, на пестрыхъ арабескахъ. Въ тѣни такъ мягки и прохладны были толстые, пышные ковры

Тетуана. На нихъ невольно клонило ко сну, мы отсыпались во-всю послѣ долгаго и труднаго путешествія сюда по такой же пустынѣ, какъ и та, которая окружала насъ теперь. Гдѣ-то въ сторонѣ медлительно ~~играли~~ струны агайтъ—о томъ, что только грезится воображенію, и чего никогда не встрѣтитъ глазъ въ дѣйствительности. Маленькій, круглый, съ выпуклыми блестящими глазами бритоголовый негръ, весь въ бѣломъ шелку, сидя около на корточкахъ, приготавливалъ въ крохотныхъ чашкахъ изумительное кофе, невѣдомое въ Европѣ. Его тонкій аромат наполнялъ всю казбу. На серебряныхъ блюдахъ передъ нами стояли прохладительные шербеты. Въ крышѣ было круглое отверстіе, и въ него смотрѣла къ намъ широколистная неподвижная пальма. Подъ вечеръ пришелъ сказочникъ, и мой проводникъ, еврей Бенъ-Давидъ-Леви-Абассинъ, переводилъ мнѣ его размѣренныя строфы. Импровизаторъ цѣдилъ ихъ словно сквозь сонъ, передавая мерещившіяся ему грезы, и я, тоже сквозь сонъ, внималъ ему, и мнѣ чудилось, что я вижу

ихъ легкіе, воздушные призраки надъ собою. Вечеромъ мы пошли на рынокъ. Зубчатые стѣны его казались розовыми. За ними на западѣ было море огня. Толпа кишѣла кругомъ, — шумная, озабоченная. Посреди громаднѣйшій нубіецъ, окруженный ободранными и голодными солдатами, рѣзалъ головы дюжинѣ спокойныхъ и безстрастныхъ мавровъ. Каждый изъ обреченныхъ ждалъ очереди молча. Также молча подставлялъ шею подъ громаднѣйшій ножъ чернаго палача.

— За что это?—спросилъ я у Леви.

Тотъ перебросился нѣсколькими словами съ толпою.

— Богатые горожане... У нихъ слишкомъ много добра, чтобы Аббасъ-Измаилъ оставилъ ихъ жить. Ихъ казнятъ, — дома ихъ онъ возьметъ себѣ, деньги отошлетъ султану въ Фецъ.

— Что они сдѣлали?—не понялъ я.

— Ничего. Аббасъ-Измаилъ уже десятый годъ правитъ такъ областью Тафилета.

— Какъ, Аббасъ-Измаилъ? Такой добрый, радушный, щедрый?

— Да, онъ самый. Ты посмотри кругомъ, какъ разоренъ и голоденъ здѣсь народъ. Богатый оазисъ, а въ немъ свила гнѣздо такая нищета, какой ты не найдешь нигдѣ.

И когда мы проходили по узкимъ улочкамъ, я видѣлъ только развалившіяся стѣны, продырявленные плоскія кровли, чахлую зелень, точно и она не смѣла подняться подъ пристальнымъ и жаднымъ взглядомъ Аббасъ-Измаила. Вездѣ люди были въ лохмотьяхъ. Въ нихъ сквозило бронзовое тѣло. Съ нами шелъ солдатъ правителя, и отъ него, какъ отъ чумы, разбѣгались мѣстные хозяева, провожая насъ издали испуганнымъ и полнымъ ненависти взглядомъ. Только тутъ я понялъ цѣну радушія и гостепріимства правителя Тафилета.

III.

Мы не могли выѣхать изъ Тафилета ночью. Племя Бени-Ассунъ, ограбленное тѣмъ же радушнымъ „отцомъ милости“

Аббасъ-Измаиломъ, возстало, и движеніе въ пустынь не безопасно. Днемъ здѣсь видно издали, и солдаты тафилетскаго правителя могли приготовиться къ защитѣ. Ночью мы бы попали въ западню. Поневолѣ приходилось странствовать въ жару. Прибавьте, дѣло было въ августѣ, въ полдень термометръ поднимался до 70 градусовъ. Будь нашъ переѣздъ побольше, — мы бы, разумѣется, не могли его сдѣлать. Но оазисъ „Нищаго Султана“ былъ недалеко. Онъ — въ разстояніи всего шести часовъ отъ Тафилета. Какъ бы ни было горячо солнце, — оно не могло высушить нашихъ мѣховъ. А пока въ нихъ есть хоть глотокъ воды, — смерть не грозила. Верблюды тоже выносливы: имъ приходилось одолевать и не такія пространства.

Бѣдный Леви! На него жара дѣйствовала особенно сильно. Онъ даже лицо себѣ завѣсилъ отъ ожоговъ солнца и такъ упалъ духомъ, что съ половины пути хотѣлъ вернуться въ Тафилеть. Только боязнь остаться одному въ пустынь, не найти дороги, — его остановила. Мечталъ онъ, было,

по нашимъ же слѣдамъ двинуться назадъ, но здѣсь достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтра, чтобы песокъ сплылся и стеръ всякій слѣдъ. Скорѣй на водѣ удержится пѣна за кормою лодки, чѣмъ оттиски верблюжьихъ копытъ въ пустынь. Къ полудню мнѣ показалось, что моего лица касается раскаленное желѣзо. Пришлось опустить на него бѣлый шелкъ, который я купилъ въ Тафилетѣ. Дышать стало трудно. Въ легкія врывался какъ-будто огонь и перехватывалъ и сушилъ тамъ всякую жизнь. Сердце билось съ страшной быстротой. Трудно было сосчитать его удары. Коло-тилось, какъ испуганная дикая птица въ клѣткѣ,—или сама разобьется, или ее разобьетъ. Глаза слѣпило сквозь ткань. Съ силою зажмуришься, и то чувствуешь этотъ настойчивый, беспощадный свѣтъ. Только когда я спустилъ съ головы верблюжье сукно, — сдѣлалось сносно, хоть притокъ воздуха почти прекратился, и я задыхался. Верблюды все такъ же медленно и ровно переваливались къ невѣдомой и казавшейся таинственной цѣли, укачивая всадниковъ.

Въ мистической дали золотой пустыни миражи смѣнялись миражами. Краски ихъ ступали, и когда я, чтобы захватить даже раскаленного воздуха (и тому радъ!), приподымалъ покрывало, — мнѣ казалось, что на небосклонѣ не призраки, а настоящая дѣйствительность растетъ изъ предѣловъ возможнаго въ величавую и заманчивую сказку. Бѣлыя колонны царственныхъ дворцовъ глядѣлись въ зеркальныя, голубыя воды. Громадныя райны чудесныхъ садовъ уходили въ небеса, и изъ-за нихъ дразнили взглядъ пестрые изразцы какихъ-то невиданныхъ башенъ. На страшную высоту поднимались странныя зданія съ террасами и галлереями на высотѣ, съ окнами, забранными рѣшетками у самой кровли. Ихъ основанія терялись въ воздухѣ, точно все это шло не снизу вверхъ, а опускалось сверху. Наконецъ, къ двумъ часамъ пополудни стало такъ скверно и невыносимо, что я, какъ о счастьѣ, мечталъ о возможности упасть съ моего верблюда, быть занесеннымъ пескомъ и умереть. Можно бы не ѣхать дальше въ этотъ недвиж-

ный адъ, не дышать сухимъ огнемъ, не печься на безпощадномъ солнцѣ. Казалось, жизнь уходитъ сквозь всѣ норы, ея соки испаряются въ нихъ, языкъ, какъ тряпка, болтается во рту, похожемъ на шелуху орѣха, и теплая, полусгнившая вода не утоляетъ жажды. Еще немного, — и я началъ терять сознаніе. Куда меня несетъ этотъ корабль пустыни, и сколько еще осталось впереди, и будетъ ли конецъ этому мучительному странствію, — я не зналъ.

IV.

Я былъ въ полуснѣ, когда около меня послышался крикъ.

Очнулся на минуту, смотрю, — мой Леви простираетъ впередъ руки.

— Что случилось?

— Тамъ... тамъ!..

Въ его голосѣ — восторгъ. Стараюсь шире открыть глаза, совсѣмъ слипшіеся отъ жары, — далеко, на краю золотой пустыни,